

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

РЕЦЕНЗИИ

Е.В. Петрухина. Аспектуальные категории глагола в русском языке в сопоставлении с чешским, словацким, польским и болгарским языками. Изд-во Московского ун-та. М., 2000. 256 с.

Хотя проблемам вида посвящено огромное число работ, монография Е.В. Петрухиной занимает среди них особое место: это уникальная попытка синхронного сопоставления аспектуальных систем пяти славянских языков. Действительно, данные отдельных славянских языков пока не проанализированы в полном объеме, и не существует ни обобщающего описания категории вида в славянских языках, ни общеславянской аспектологической теории. Совершенно ясно, что эту лакуну нельзя восполнить за один прием, тем более, что такому проекту препятствует не только отсутствие единой терминологии, но и теоретические расхождения авторов существующих описаний. Тем не менее Е.В. Петрухиной удастся выявить главные черты аспектуальных систем изучаемых языков, прежде всего благодаря тщательному анализу языковых фактов и теоретическому осмыслению ряда проблем, связанных как с видом, так и с его словообразовательным выражением. Следует подчеркнуть, что рецензируемая книга опирается на очень богатую библиографию (около пятисот публикаций на нескольких языках) и использует весьма впечатляющий фактический материал.

Не претендуя дать хотя бы самый сокращенный обзор всех тем, затрагиваемых автором, сосредоточимся на вопросах, которые нам показались либо спорными, либо, наоборот, важными и новыми для славянской аспектологии.

Глава первая (с. 11–32) "Аспектуальная категоризация действий в лексике" посвящена определению категориального значения глагола и принципам построения грамматически релевантной классификации глагольных лексем. Предлагаемая классификация, используя разработанные в аспектологии концепты статичности/динамичности, гомо-

генности/гетерогенности, терминативности/нетерминативности, мгновенности/немгновенности явно нацелена на раскрытие словообразовательного потенциала глаголов. Автор отмечает, что аспектуальные классы глаголов не обладают четкими границами, имея скорее "полевую" структуру, то есть центр и периферию, а входящие в них глаголы выражают категориальные черты в разной степени. Проблемы глагольной семантики и их связь со словообразованием интересуют автора больше, чем теоретическая дискуссия вокруг определения вида, которая, на наш взгляд, зачастую сводится к замещению давно разработанных концептов новыми формулировками. И мы считаем, что сопоставительный анализ функционирования видовых форм и исследование словообразовательных процессов в разных славянских языках составляют самую интересную и новаторскую часть монографии.

Глава вторая (с. 33–106) "Категория глагольного вида в русском, западнославянских и болгарском языках" дает довольно полный обзор различных теорий, имеющих целью определить грамматический статус категории вида в славянских языках. Как известно, статус славянского вида является спорным вопросом: вид считается лингвистами либо грамматической, либо смешанной лексикограмматической, либо словообразовательной категорией. Автор считает, что каждая из этих точек зрения находит подтверждение в языковых фактах, с чем легко согласиться. Однако, отмечая явную связь вида с лексическим значением глагола, автор утверждает, что вид не имеет стандартных средств выражения (с. 46). На наш взгляд, трудно сомневаться в том, что вид в славянских языках представляет собой категорию грамматики, хотя бы потому, что она обязательна для

всех глаголов (автор это, конечно, отмечает), чего нельзя сказать про так называемые способы действия (ср. [Comrie 2001]). Более того, мы считаем, что вид безусловно обладает специфическим формальным выражением. Формальными показателями вида являются аспектальные морфемы: префиксы и суффиксы (или их значимое отсутствие в определенных условиях). В отличие от аспектальных имперфективирующих суффиксов, которые обладают только грамматическим значением несвершенности, аспектальные префиксы привносят разные лексические значения. Но какими бы ни были эти значения и их оттенки, присоединение аспектального префикса к основе простого глагола НСВ меняет его вид на совершенный¹. Этого достаточно, чтобы считать префикс как таковой стандартным выражением совершенного вида, то есть грамматической морфемой². Способы действия не имеют стандартных формальных показателей, поэтому не являются грамматической категорией. И даже если большая часть конкретных видовых противопоставлений реализуется путем префиксации и суффиксации, изучать способы действия можно только на других уровнях: словообразования или лексики.

Следует признать, что и Е.В. Петрухина в конечном счете относит вид к категориям грамматики, полагая однако, что его нельзя считать прототипической грамматической категорией, поскольку видовое противопоставление далеко не всегда реализуется в языке с той регулярностью, которую следовало бы ожидать от категории "чисто" грамматической. Понятие прототипических категорий позволяет автору хотя бы отчасти преодолеть существующие разногласия в данной области и дает ему возможность определить "степень грамматичности" вида в отдельных славянских языках.

Переходя к рассмотрению функционирования вида и учитывая существующие работы как по описанию вида в отдельных славянских языках, так и по их сопоставлению, автор перечисляет общие черты аспектальных систем изучаемых языков, в частности:

- однотипное употребление глаголов НСВ при обозначении актуального длящегося процесса;

- сходный для всех языков запрет на сочетаемость инфинитива СВ с фазовыми глаголами;

- сходство в инвентаре средств видообразования при различиях в их продуктивности и семантике.

Особое внимание уделяет автор различиям в употреблении видов, выявляя ряд черт, противопоставляющих аспектальную систему русского языка системе западнославянских языков, которые гораздо шире, чем русский, используют формы СВ. Это касается, прежде всего, употребления форм СВ для выражения длительных и повторяемых действий: как известно, в современном русском языке такое употребление строго ограничено. Имеется в виду также обозначение формами СВ единичного действия в прошлом (явление, которое в русистике принято называть "общефактическим значением"). Здесь небезынтересно отметить, что некоторые устарелые сочетания форм СВ с показателями длительности, наблюдаемые у русских писателей XIX века, и ошибки в речи русских эмигрантов, отмеченные в [Гловинская 2001: 383–391], дают основание предполагать, что русский язык сравнительно недавно допускал более свободное употребление СВ в этой области и, следовательно, что литературная норма и здесь изменилась³. Причину этих изменений можно усматривать в усиливающейся грамматикализации видовых противопоставлений в русском языке. Грамматикализация вида – по мнению Е.В. Петрухиной – проявляется именно в большей независимости вида от лексического значения глагола, в большей нормированности его употребления и в более сильном давлении контекста. Сравнивая славянские данные, автор констатирует, что в русском языке степень грамматикализации вида выше, чем в западнославянских языках, в которых удельный вес лексического значения глагола больше, чем в русском, и которые значительно шире допускают свободный выбор вида говорящим. Эта степень, естественно, ниже, чем в болгарском. Выводы Е.В. Петрухиной находят частичное подтверждение в работе [Eckert 1985], в которой также подчеркивается наличие более сильной связи семантики глагола с видом в контексте повторяющихся действий в чешском языке в сравнении с русским. Эта связь нам кажется очевиднее и в польском языке. Отметим, что данная замечательная черта западнославянских языков ускользнула от вни-

¹ В [Кронгауз 1998] аспектальные префиксы носят наименование "перфективирующих приставок".

² Следует уточнить, что существуют и неаспектуальные префиксы, о чем часто забывают авторы аспектологических трудов.

³ Этот вопрос, конечно, требует особого изучения.

мания автора последнего сопоставительного исследования польского и русского глагола [Włodarczyk 1997]

Любопытные закономерности обнаруживает Е.В. Петрухина при рассмотрении так называемых видовых троек в русском языке. Оказывается, продуктивность и семантика вторичных имперфективов в русском языке во многом зависит от семантики приставки: чем эксплицитнее выражено в приставке пространственное значение, тем регулярнее образуется вторичный имперфектив. В целом ряде предыдущих работ, посвященных видовым тройкам, этот фактор не был принят во внимание. Интересно, что пространственный/непространственный характер значения приставки играет важную роль и в области двойной префиксации, что было отмечено в работах [Belakov, Guiraud-Weber 1997, Кронгауз 1998: 67–68]. Что касается вторичной имперфективации в сопоставительном плане, в русском языке имеется больше ограничений, чем в остальных изучаемых языках. Так, например, из работы [Cockiewicz 1992] следует, в подтверждение выводов Е.В. Петрухиной, что в польском границы вторичной имперфективации значительно шире, чем в русском. В этой связи хочется добавить, что и некоторые другие словообразовательные процессы также оказываются гораздо более регулярными в западнославянских языках, чем в русском (мы имеем в виду, в частности, образование видовых пар путем префиксации от двувидовых глаголов, продуктивность и частотность многократных глаголов, и т. п.). Этот вопрос, впрочем, требует специального рассмотрения.

В главе третьей "Категория деривационной омасиологии и акциональное словообразование" (с 107–140) автор предлагает обзор существующих классификаций деривационных приемов в славянских языках и рассматривает критерии, на которых они основаны. Сопоставление данных позволяет автору и здесь сформулировать ряд сходств и различий между родственными языками

В самой длинной последней (четвертой) главе "Фазисно-временные модификации базовых глаголов в русском языке в сопоставлении с чешским, словацким и польским" (с. 141–233) автор систематически исследует семантику и функционирование ограничительных, начинательных и финитивных способов действия в русском и в западнославянских языках, причем вносит в эту область большое количество тонких наблюдений. Особенно интересным нам показался анализ делимитативов, которым, как известно, посвящена огромная литература. Думается, что

Е.В. Петрухиной удалось с точностью определить их место в аспектуальной системе каждого из языков.

Подводя итоги, можно сказать следующее. Профессиональному исследователю понятно, как непросто, с одной стороны, разобраться в обилии аспектологической литературы, построенной на разных теоретических предпосылках и оперирующей разной терминологией, и как трудно определить то существенное, что можно извлечь из разных подходов, а с другой стороны – насколько проще игнорировать все, что не подтверждает наших собственных рассуждений или отбросить без дискуссии то, что для нас ново и непривычно. Е.В. Петрухина преодолевает обе эти трудности, стараясь каждый раз выискнуть в суть многочисленных гипотез и теорий и взвесить их преимущества и недостатки. Свои собственные наблюдения она формулирует четко, но осторожно, всегда опираясь на фактический материал и учитывая работу лингвистов разных направлений.

В плане славянской аспектологии монография представляет собой настоящий синтез работ по пяти славянским языкам (в том числе частных исследований самого автора). По обилию приведенного фактического материала и новизне предложенных идей и гипотез книга не имеет себе равных в современной аспектологической литературе.

В плане собственно русской аспектологии сопоставительная перспектива, как всякий взгляд с расстояния, дает автору возможность прояснить ряд спорных вопросов, уточнить анализ многих явлений и, порой, предложить более глобальные решения. И даже если интерпретация некоторых частных языковых фактов может вызывать сомнения, вклад автора в русскую и, прежде всего, сопоставительную славянскую аспектологию нам кажется чрезвычайно ценным.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Гловинская 2001 – *М.Я. Гловинская* Общие и специфические процессы в языке метрополии и эмиграции // *Язык русского зарубежья* Общие процессы и речевые портреты (Wiener Slawistischer Almanach Sonderband 53). Москва, Вена, 2001
- Кронгауз 1998 – *М.А. Кронгауз* Приставки и глаголы в русском языке: семантическая грамматика М., 1998.
- Belakov, Guiraud-Weber 1997 – *V. Belakov, M. Guiraud-Weber* О некоторых свойствах вторичных глагольных приставок // *Russian linguistics*. 1997. № 21.

Cockiewicz 1992 – *W Cockiewicz* Aspekt na tle systemu słowotwórczego polskiego czasownika i jego funkcyjne odpowiedniki w języku niemieckim // Nakładem Uniwersytetu Jagiellońskiego. Kraków, 1992.

Comrie 2001 – *B. Comrie*. Some thoughts on the relation between aspect and Aktionsart // Functional grammar. Aspect and aspectuality. Tense and Temporality / Ed. by A. Barentsen, Y. Poupynin. Munchen, 2001.

Eckert 1985 – *E Eckert*. Aspect in repetitive context in Russian and Czech // The scope of Slavic aspect / Ed. by M.S. Flier, A. Timberlake. Columbus (Ohio), 1985.

Włodarczyk 1997 – *H Włodarczyk* L'aspect verbal dans le contexte en polonais et en russe. Paris, 1997.

M Гуро-Берер